

Сеферова Ф.А.

УДК 82.512.145."19":[17+111.852]

ДРЕВНИЕ ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию древних жанровых форм крымскотатарского фольклора, таких как «алгышы» и «кьаргышы». Возникновение этих понятий обусловлено сознанием первобытного человека, верой в магическую силу слова, заговора, заклинания. В древние времена считалось, что именно духи руководят поступками людей, дают благословения или насылают проклятия.

Ключевые слова: анимистические представления, традиция, аксиологические аспекты, фольклор.

Анотация. Стаття присвячена дослідженню древніх жанрових форм кримськотатарського фольклору, таких як «алг'иши» і «к'арг'иши». Виникнення цих понять обумовлено свідомістю первісної людини, вірою в магичну силу слова, змови, заклинання. У стародавні часи вважалося, що саме парфуми керують вчинками людей, дають благословення або насилають прокльони.

Ключові слова: аксиологічні аспекти, традиція, фольклор.

Summary. Crimean Tatar folklore. As well as a verbal creation of other people. Reflects becoming of world view, mentality of Crimean Tatar ethnos. In Crimean Tatar ceremonies, especially in wedding, we find the displays of a different sort of taboos and procedures of initiation. Crimean Tatars, continuing ancient traditions, with acceptance of Islam, naturally, accepted all norms of Muslim religion which ordered the limitations and prohibitions.

Thus, "алгышы" and "кьаргышы" are the fruits of certain ideas and attitudes of the people. However, some expressions formed in connection with the ancient customs, traditions and customs, in the course of social history lost their original content. In the vocabulary of the Crimean Tatar language is quite a lot of expressions such as "озь башыны ашады" («съел свою голову») ("eat your head"), кьурбанынь олайым («стану твоей жертвой») ("I'll be your victim"), "аягынынь алтында олейим" («да умру я у твоих ног») ("yes, I'm going to die at your feet") and etc. These expressions are typically used in a positive sense, but they can acquire the values and the curse. They belong to the period when people were strong belief in the ability to influence the course of events or illness by performing certain procedures ceremony.

Key words: traditions, axiological aspects, folklore.

Постановка проблемы. Формирование духовности общества невозможно без изучения культурных явлений и традиций прошлого. В устном творчестве крымских татар, как и в фольклоре других народов, отразились миропонимание, ментальность, представления и верования крымскотатарского этноса. Автором статьи рассмотрен широчайший круг источников, среди которых работы А.Н.Бернштама, З.Фрейда, Эвлия Челеби, Дортелли д'Асколи, Эшрефа Шемьи-заде, М.Велиджанова, Дж.Бекирова, Ш.Энвера и др. Собранные воедино, систематизированные и проанализированные сведения о древних жанровых формах крымскотатарского фольклора из столь обильного материала позволили автору статьи осветить такие виды фольклора, которые до настоящего времени не были предметом специального научного исследования. К ним, в частности, относятся такие формы народно-поэтического творчества, как «алгышы» («благопожелания») и «кьаргышы» («проклятия»). Считаем **целесообразным**, прежде всего, сосредоточить наше внимание на этимологии, формировании слов «алгышы» и «кьаргышы».

Общезвестно, что анимистические представления и верования сыграли важную роль в появлении и использовании такого понятия, как «силы», делившиеся на светлые и тёмные или же «духи», делившиеся на «добрых» и «злых». Возникновение этих понятий обусловлено сознанием древнего человека, верой в магическую силу слова, заговора, заклинания. Так, в работе А.Н. Бернштама «Жилище Крымского предгорья» мы находим описание дома, хозяйственных построек и двора крымских татар конца XIX – начала XX века: «...К колонне дома на террасе прикрепляют голову барана, которого режут во время праздника Курбан-Байрам. Череп при жилище обыкновенно служит выражением некоего священного покровительства по отношению к дому... – пишет учёный. – Форма такого почитания есть пережиточная форма тотемизма у крымских татар. Подобное же мы наблюдаем и с головой лошади, что, однако, имеет отношение не к одному жилищу, а ко всему хозяйству. Голова лошади вешается на плетень, окружающий дом, или укрепляется возле хозяйственной постройки» [1, 39]. Существовало мнение, что именно они, эти силы, эти духи, способствуют осуществлению желаний людей, управляют жизнью человека и определяют его поступки и дела. Возможно, что «ал-» и «кьар-» в словах «алгышы» и «кьаргышы» в действительности являются названиями духов, сил. Существенно, первое относится к духу – покровителю добра, а второе – к покровителю зла. Эти слова полисемичны. Например, «ал», кроме других значений, может выступать в значениях «положение», «состояние», «самочувствие», «обстоятельство», «румяный». Перечислять все слова, в словообразованиях которых участвует «ал-», нет надобности.

С древних времён с помощью соответствующих слов и аффиксов люди создавали из «ал» и «кьар-(-а)» всевозможные пожелания добра, удачи и проклятия. К ним относятся такие по сей день бытующие выражения «кьара язы» («злая участь»), «кьара кунь» («чёрный день»), «бахты кьара» («чёрное счастье», т.е. «несчастье»), «кьара су» («чёрная вода»), «кьарсанба» («беда, напасть»), «кьара яндыкь» («чертополох»), «кьаратикен («дурман») и др. Особого внимания заслуживает, по-нашему мнению, слово «кьаарь». Как известно, в активной лексике современного крымскотатарского языка и в настоящее время употребляются такие выражения, как «мен кьаарьлендим», «мени кьаарь басты», «кьара язылы» и т.д. В таких выражениях «кьара», связанное с понятием страха, ужаса, наваждения, холода является названием тёмной силы, злого духа. Приведём пример из эпического произведения «Эдиге бий», где Эдиге обращается к своему противнику: «*Кемал улу, кок Джанбай! Кери сёзли ит Джанбай! Сен кьаранынь улусынь, Пул бергеннинь кьулусынь*»[5, 40].

В древние времена считалось, что именно духи дают благословение или насылают проклятия, оберегают от опасностей, руководят поступками людей, «защищают людей от могущества и гнева богов и демонов, от опасностей, охраняют важные жизненные акты (инициация, брак, роды и т.д.)» [2, 37-39]. Страшным воздействием на человеческую психику обладает, по свидетельству доминиканца Дортелли Д.Асколи, «кьаргыш» – проклятие. 1634 году, будучи в Кафе (Татарии) он отмечает: «На улицах главных городов стоят «фалджи» и «бакьджи», как их называют, которые видят и предсказывают вопрошающим будущее, хорошее или дурное, гадая на книгах, на бардаках или крытых сосудах с водой, на костях, на стрелах. Но больше всего они прибегают к сглазу, называемому у них «назарлыкъ». Я был свидетелем изумительного действия одного особенно на женщин. Так, например, достаточно сказать женщине: «О какие чудные глаза! – и тотчас глаза у нея начинают слезиться и болеть, а затем она слепнет или же, намекая на работу девушки произнести: «Как хорошо она работает! – и немедленно руки девушки начинают дрожать, или же её палец повреждается и т.п.» [3].

К словесной магии в её чистом виде можно отнести многочисленные «алгышлар» – традиционные благопожелания. Приведём один из алгышей, которое произносится в дни Къурбан байрам (Праздника жертвоприношения):

«Сойгъанынъ къабул олсун, Эджелинъ сабыр олсун, Дюнъянъ мамюр олсун. Бу эвден алгыши кетмесин, Бу эвге кьаргыши етмесин, Аман адам айткъандже Танъры этмесин, Танърымыз алгыши этсин [6].

К словесной магии можно отнести и «юкью алгышы» – заговор сна. Мать напевает его ребёнку, когда тот капризничает, долго не засыпает:

«Юкьла, балам, юкьла айя-ай, Юкью ананъ, санъа бал кетирди айя-ай.

Узакълардан санъа сют кетирди айя-ай

Юкью анасы юкьла деди айя-ай» [6].

Существовало также и «йылан алгыш» – «заклинание змей»:

«Сары йылан, юрт йылан, Секиргенинъ – эр йылан, Йылышкъанынъ – чабик йылан, Юванъа кир йылан, Эткенинъни билъ йылан. Мени, йылан, агълатма, Зеэринъи ал йылан, Зеэринъи алмасанъ, Къартана бетинъе тюркюр, йылан» [7]. Отметим, что алгыш начинается с восхваления змеи, от неё переходят к просьбе и заканчивается угрозой. Следует отметить, что этот алгыш считается действенным только в устах немногих людей, обладающих особыми способностями.

В крымскотатарском фольклоре существуют фольклорные жанры, показывающие роль птиц в проклятиях – «кьаргыше». Общеизвестно почитание лебедя не только крымскими татарами, а также всеми тюркскими народами. Лебедь считался священной птицей: разорять гнездо, убивать лебедя запрещалось. Тем не менее, в эпосе «Эдиге бий» хан Тахтамыш проклинает священных птиц: *«Аккъю кьушлар, къыз кьушлар, Сизни сунгьур, боз кьушлар Къанатынъыз толдырып Башынъызны кьайырсын! Эдигенинъ улы Нураддин – Алла бермесин мурадын Мени юрттан айыргъач Сизни де гольден айырсын!» [5,45].*

Мотив проклятия звучит и в эпосе «Таир и Зоре». Зоре, провожая, Таира в город Мердим, поёт: *«Гидер исенъ огьрунъ олсун, Мердим шеэр ёлунъ олсун. Менден гъайры яр севсенъ, Джеллятлар бойнунъ урсун! Гидер исенъ огьрунъ олсун, Дерья-денъиз ёлунъ олсун. Менден гъайры яр севсенъ, Эки де козюнъ кёр олсун» [5, 95].*

Таким образом, «алгыш» и «кьаргыш» являются плодами определённых представлений и взглядов народа. Вместе с тем некоторые выражения, образованные в связи с древними обычаями, традициями и обрядами, в ходе общественно-исторического развития утрачивали первоначальное содержание. В словарном составе крымскотатарского языка довольно много таких выражений, как «озь башыны ашады» («съел свою голову»), кьурбанынъ олайым («стану твоей жертвой»), «аягынынъ алтында олейим» («да умру я у твоих ног») и т.д. Эти выражения употребляются обычно в положительном смысле, но могут приобрести и значения проклятия. Они относятся к тому периоду, когда в людях была сильна вера в возможность повлиять на ход событий или болезни путём выполнения определённой процедуры, обряда. Например, в эпосе «Эдиге бий» Эдиге говорит: *«Шу кетиште кетермен Темирхан магъа къол берсе, Худайым магъа ёл берсе, Шу Токтамыш ханынъны Аякъ асты хор этермен!» [5,44].*

Известно, что материнское слово, клятва, молоко всегда считались священными. В сказках и дестанах даже дивы, пери не нарушали материнской клятвы и благославляли мужественного героя на подвиг словами: «ананъы сютю санъа элял олсун» («да будет тебе впрок материнское молоко»). Материнское молоко считалось целебным средством. Считалось, что отцовское проклятие действеннее материнского, потому что материнское молоко будто бы ослабляет силу её проклятия. Мать могла проклясть неблагодарное дитя словами: *«Сютюм бурнунъдан кельсин»* (досл. «да выльется моё молоко у тебя из носа») – да не будет впрок тебе моё молоко [6].

Выводы и перспектива. На основе тщательного анализа указанных фольклорных произведений, мы приходим к выводу, что происхождение «алгыш» (благопожелания) и «кьаргыш» (проклятия) связано с древними представлениями и верованиями людей, с периодом неформившегося человеческого сознания. Исследование этих древних жанровых форм,

окажет большую помощь филологам, историкам, этнографам, востоковедам, всем, кто интересуется фольклором и историей крымских татар.

Источники и литература:

1. Бернштам А. Н. Жилище крымского предгорья // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля, 2005.–С.39-41.

2. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256с.
3. Дортелли Д'Асколи. Описания Черного моря и Татари 1634 год. – Одесса. 1902. – 86 с.
4. Шевкет Энвер. Архаичные элементы народной свадебной обрядности и обычаев крым татар. // Къасевет.– 1990.–№1 (18).–С.16 – 22.
5. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы: Хрестоматия:Пед. Ин-тынынъ филология фак. Къырымтатар тили ве эдебияты болугининъ студичюн (Тертип этиджи Д.Бекиров).– Т.:Укитувчи, 1991.–241б.
6. Наша беседа с информатором Эльмирой Коки. (Род. в1936г. с.Корбек Алуштинского р-на).Записи на фольклорной практике. 24.07. 2011г.
7. Наша беседа с информатором Мустафаевым (Род. в1928г. с.Темирчи Алуштинского р-на). Записи на фольклорной практике 12.07.2011г.

Таймазова Л.Л.

УДК 821.512.161

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ О. ПАМУКА «МУЗЕЙ НЕВИННОСТИ»

Аннотация. В современном мире на роль доминирующего культурного течения в последние годы с все большим основанием претендует постмодернизм, который постепенно охватывает все новые сферы искусства. Интересной представляется задача проследить судьбу исповедального жанра в постмодернистской литературе и выявить специфику современного понимания исповеди. Рабочим материалом для последующего исследования послужил анализ романа известного современного турецкого писателя О. Памука «Музей невинности».

Ключевые слова: постмодернизм, исповедь, авторская маска.

Анотація. У сучасному світі на роль домінуючого культурного течія в останні роки з все більшою підставою претендує постмодернізм, який поступово охоплює все нові сфери мистецтва. Цікавою видається завдання простежити долю сповідального жанру в постмодерністській літературі і виявити специфіку сучасного розуміння сповіді. Робочим матеріалом для подальшого дослідження послужив аналіз роману відомого сучасного турецького письменника О. Памука «Музей невинності».

Ключові слова: постмодернізм, сповідь, авторська маска.

Summary. In today's world, the role of the dominant cultural currents in recent years, with all the more reason to pretend postmodernism, gradually covering new areas of art. An interesting problem is to trace the fate of the confessional genre in postmodern literature and reveal the specifics of modern understanding of confession. Working papers for the subsequent investigation was the analysis of the novel known contemporary Turkish writer O. Pamuk «The Museum of Innocence».

In his new novel, the author explores the recesses of the human soul, in which the self, time and space are transformed into what is called a true and life. In addition to the novel traces a reflection of contemporary reality, understanding and interpretation of which is essential in every country.

The primary basis for the narrative Pamuk – a game with the text and the reader, the desire to engage him in weaving the events thus – dissolve in the world of their own symbols and signs. Unique style of presentation. The phrases are intertwined verbal art and philosophical reasoning. The structure of the sentence reflects both the unity and fused experience and ruggedness of emotional moments. This letter is similar to the style of Proust, one of my favorite writers O. Pamuk.

Keywords: postmodernism, confession, the author's mask.

Литература XXI века – это литература авторских художественных моделей. В произведениях современных писателей происходит сращение приемов и установок реализма с постмодернистской художественной техникой: глубокий психологизм может сочетаться с авторской игрой с читателем, узнаваемые современные реалии могут существовать в одном пространстве с мистическими элементами, история восприниматься через детективный сюжет, а философские вопросы бытия осмысляться в мелодраматических коллизиях.

Развитие литературы «в переходную для турецкого общества эпоху рубежа XX – XXI веков характеризуется ломкой прежнего реалистического канона с его установкой на образно-миметическое отражение материального мира, в основе которого лежит эстетическая триада “истина-добро-красота”, а также формированием нового эстетического качества» [6, с. 3].

Турецкая литература последних десятилетий прошла сложный путь от простого подражания европейским образцам до завоевания неподдельного интереса к себе. В середине 1980-х годов в Турции сформировался постмодернизм так называемой «первой волны», в которой доминирует «лирическая струя». И это очень четко прослеживается в творчестве Орхана Памука: его постмодернизм назван «меланхолическим».

Творчество Орхана Памука уникально и разнообразно. Своими произведениями он сумел углубить представление о национальном характере и истории Турции. Романы О. Памука более двадцати лет входят в списки мировых бестселлеров, и читательский интерес к ним ничуть не угасает. Он сам, и его творчество вызывают полярное к писателю отношение: жесткая критика его взглядов и восторженное приятие его произведений.

В связи с этим представляется актуальным исследование творчества одного из самых ярких представителей нового поколения писателей – Орхана Памука, в произведениях которого наиболее полно нашли отражения постмодернистские веяния (в том числе и категория исповедальности) современного литературного процесса. Отметим также, что исповедальность сегодня оказывается шире собственно